

СВЕТЛАНА
СОЛНЦЕВА

ЧЁРНОЕ
ДЕРЕВО

Светлана Солнцева

Черное Дерево

<https://litres.ru/74205064>

Аннотация

ПРОМОКОД НА ДОП. СКИДКУ - СОЛНЦЕВА10

Я живу в двух мирах. В одном я студентка, подрабатываю курьером и просто без ума от своего горячего босса. В другом я мастер по камням, живу с гномами и бегаю от орков и навязанного мне жениха из таинственного Ордена Стражей. И все бы ничего, но я не контролирую перемещения между мирами и не знаю, в каком из них в конце концов останусь.

В тексте есть:

✓ Настоящая любовь ✓ Вынужденный брак ✓ Перемещения между мирами ✓ Двойное попаданство ✓ Притяжение и противостояние

Это первая часть трилогии "Черное Дерево".

♥# ВЫШЛА В БУМАГЕ ♥#

Вторая часть: "Черное Дерево. Невеста Стража": Третья часть: "Черное Дерево. Замуж любой ценой":

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1

Ньезфилд, январь

– Зотова! Глашка!

Увесистый снежок сбивает мне с головы шапку.

– Иванов, ты совсем debil?! – Отряхиваю голубую шерсть от свежих пушистых хлопьев, поджидая подбегающего ко мне парня.

– Тебя не дозовешься – в облаках витаешь! – Задорная улыбка, румянец во все щеки. Красавчик! Как злиться на такого?

– Вышку сделала? Дай списать.

Ну вот, как всегда. Только «дай списать» и дождешься, а я-то, дура, надеялась, что к себе позовет. Днюха, вечеринка. У нас с ним день разницы – сегодня ему восемнадцать, а завтра я собираю своих друзей потусить. Мы с Игорем бывшие одноклассники и снова вместе на одном потоке в универе. Вращаемся в разных компаниях. И хотя я вздыхаю по красавчику-брюнету втихомолку, наше общение ограничивается только словами «привет» и «как дела».

– Держи, – протягиваю ему тетрадь и роняю шапку назад в снег. Вот овца неуклюжая!

– Спишу и отдам.

Игорь натягивает мне шапку на растрепавшиеся локоны. Его заледенелые перчатки царапают щеки. Не торопится

убрать руки и смотрит, как будто видит в первый раз.

– Фигасе, какие у тебя глаза! Золотистые!

Сокурсники окликают его, и он убегает, оборачивается, словно хочет что-то сказать, но так ничего и не говорит.

Обидно немного. Так долго знаем друг друга, что внешний вид прочно отпечатался на затворках разума, и мозг воспринимает облик далеко не так, как выглядит человек на самом деле. Ладно еще веснушки – я рыжая и им «полагается» быть. Многие так считают и искренне удивляются потом, что это не так. Нет, не то чтобы веснушек не было совсем. Они есть, но только весной, а потом исчезают. Но глаза! Лучше бы совсем молчал, чем расточать сомнительные комплименты. Или дальтоник, или сказать больше нечего. Обычные серо-зеленые глаза, как у мамы и бабушки.

Бреду на семинар.

Мормоновна, как всегда, забрала все мобильники – издевается над первым курсом, как над школьниками. Под монотонный голос Соколовой, читающей бесконечный реферат, хочется клевать носом. Дашка, мой верный товарищ, прогуливает пары – ни поболтать, ни поржать тихонько. Пялюсь в окно на падающий снег и спешащих по своим делам прохожих. Скучно...

Из полудремы меня выводит противный звук, как ногтем по стеклу. До мурашек. За окном большая черная птица. Не видела никогда таких крупных ворон. Сантиметров семьде-

сят, не меньше. Пальцем царапаю гладкую поверхность, приглашая внезапного приятеля к дальнейшему диалогу. Птица еще раз проводит по стеклу клювом с раздражающим скрежетом.

– Глафира! – Мормоновна отвлекает меня от изучения странного создания. – Ты следующая.

– Да, Валентина Мироновна.

Плетусь читать вслух свою работу, по пути размышляя, сколько в природе птиц с желтыми глазами, и желтые ли они у ворон.

Дома меня ждет мой любимый супчик – грибной. Вкуснятина! Грибы бабушка собирает и сушит, а потом мы всю зиму ароматные кушанья едим.

Скидываю сапоги и прямо с порога, не снимая куртки, как Рокфор за сыром, на запах желанного блюда, прусь на кухню, вода носом в предвкушении.

Бабушка смеется, а мама кричит:

– Разденься сначала!

Я уговорила целую тарелку супа и попросила добавки под одобрителный бабушкин взгляд. Они с мамой сидят вместе со мной за столом и обсуждают, что приготовить в субботу, когда съедутся родственники, чтобы отпраздновать мои восемнадцать. Я молча жую и иногда киваю им, соглашаясь на

то или иное яство. На самом деле день рождения у меня завтра, в пятницу, и мы с подружками идем в кафе, а тетя с кузенами нагрывают в выходные.

Довольно потираю живот:

– Спасибо за суп, бабуль!

– На здоровье, дочь наша!

Улыбаюсь бабушке – люблю, когда она меня так называет, как в старой сказке про царевну Будур.

– Может, еще половничек?

Делаю вид, что размышляю над вселенской проблемой.

– Не, не вместится уже.

– Да ты и так кожа и кости! – Ну конечно, совсем тощий ребенок, по мнению бабушки.

– О, солнышко выглянуло, наконец-то! Всю зиму без солнца, – вздыхает мама.

Солнышко – это хорошо. И на улице красиво, и витамин Д. Но сижу перед окном, и редкие в этом январе солнечные лучи светят в глаза, заставляя щуриться.

– Я к себе, – встаю из-за стола.

– Глаааш! – Голос мамы настолько встревоженный, что я плюхаюсь назад на стул.

– Чего?

– Мам, посмотри на нее!

Бабушка застывает с половником в руках, не отрывая от меня взгляда.

– Да чего? Что случилось-то?

Я почти в панике жду от них ответа. Но мои два самых близких человека молчат в ступоре.

— Ну? — Перебираю в голове варианты, где могла накосячить. Руки помыла, в домашнее переоделась. Реферат не завалила.

— Глаш, умойся сходи, — «отмирает» мама.

— Ладно, — хмыкаю я и плетусь в ванную.

Из зеркала на меня смотрит абсолютно чистая бледная моська. Только глаза блестят золотистым светом, как и заметил Иванов. Что это? Освещение? Флуоресценция? И на улице тоже? Умываюсь и снова разглядываю себя. Да нет, все в порядке. Просто показалось.

Домашние ведут себя странно. Егоровна, соседка, наверное, уже настойки им на субботу приперла. Надегустировались что ли?..

Каменный пол сырой и скользкий.

Тишина дребезжит в ушах. Ноги вязнут, тонут, проваливаются, слово в иле.

Холод. Ледяной, пробирающий до костей, сковывающий последние робкие попытки уйти, убежать, убратся из жуткого места.

Темнота. Мрак. Бездна и страх. Испарина на лбу и бешеный стук сердца.

Нечеткий силуэт в дрожащем свете свечи. Рваные тени Черного Древа на арочных сводах.

ОН. Исчадие Бездны и Ужаса. Порождение ночных кошмаров, дитя моей изощренной фантазии.

Он ждет меня.

Я – его собственность.

Подрываюсь на диване от Дашкиного звонка. Не заметила, как заснула. Но подруга вовремя: избавляет меня от жутких сновидений. Давно я не видела этот сон. Но он как бумеранг – не избавиться. Возвращается, каждый раз пугая меня до чертиков, заставляя просыпаться в холодном поту. Это первобытный, глубинный, абсолютный страх.

И вряд ли он связан со смертью отца в автокатастрофе, как предположила психолог. На сеанс к ней в прошлом месяце меня затащила Дашка – только с ней я делилась своими кошмарами. Отца я не помню: мне не было и трех лет, когда он погиб. А сон я начала видеть лет с пятнадцати. Не стала я ходить больше к этой дилетантке: все ее занятия – простое выкачивание денег. А моей семье они доставались не так легко, чтобы выбрасывать их на ветер. Справлюсь сама – перерасту, проработаю проблему.

– Глаш, выбирайся, мне Лешка звонил. Иванов всех на даче у себя собирает.

– Да ну! Как мы припремся без подарка?

– Я тебя умоляю! Какие подарки? Кто их тащит на вписку?

– Даш, я не собиралась никуда. Краситься надо.

– Да ты и так у нас красotka! Одевайся! Заскочу через

двадцать минут.

Действительно, было бы для кого марафет наводить. Соколова все равно на Игоре повиснет и шагу ему ступить без себя не даст. Новые джинсы, худи, высокий хвост – вот и весь лук для пати. Сойдет.

– Мам, я к Дашке! – кричу я, выходя в подъезд.

Мама и бабушка закрылись на кухне и что-то выясняют. Вроде и не ругаются, но что-то убедительно друг другу доказывают. Не стала влезать в разговор. Позвоню им потом, все равно я ненадолго – не до ночи.

Совсем стемнело, когда мы с Дашкой добрались до пригорода. Дом Ивановых нам долго искать не приходится: музыка гроыхает на весь дачный поселок. Замерзнуть не успеваем, но ночь обещает быть особо морозной, виджет на телефоне уже сейчас показывает минус девятнадцать. Сильные температурные перепады мало кому идут на пользу, у мамы часто болит голова в такие дни. Вот и ответ на ее неадекватное поведение сегодня: мигрень. А я уже конспирологические схемы настроила.

Просторный, трехэтажный коттедж назвать дачей не поворачивается язык. Не Рублевка, конечно, но и не садовое товарищество, как мы с Фроловой ожидали увидеть. Даже не думали, что родители Игоря настолько обеспеченные люди.

Открыв рты, мы в восторге оглядываемся по сторонам. Главный дом, дорожки, беседки, другие постройки и дере-

вья переливаются огнями – после праздников еще не убрали иллюминацию.

– А Игорьь-то у нас мажор, – тихо протягивает Дашка. – А с виду и не скажешь...

– Умело шифруется, – соглашаюсь я.

Вот тебе и одноклассник... Кем у него были родители? На память приходит, что отец – адвокат. Но настолько успешный?

От созерцания окрестностей нас отвлекает Muse на ринг-тоне. Мама легка на помине. И как с ней говорить в таком шуме? Сразу поймет, что я не у Дашки, а потом весь мозг проест, что не предупредила ее, что уехала далеко, да еще на такое мероприятие. Сбрасываю звонок и пишу сообщение, что мы с Фроловой на кассе в супермаркете, перезвоню позже.

Заходим внутрь: дверь не заперта, как и кованые ворота на заборе. Желающих подработать швейцаром на гулянке не наблюдается. Как ни странно, внутри музыка играет тише – колонки, видимо, выходят на улицу. А что, пусть все соседи знают – у Ивановых вписка. Благо соседей не так много: зима и новогодние каникулы закончились.

Виновника торжества не видно, как и Соколовой. Только танцующая, орущая толпа, уже навеселе. Многих я не знаю даже в лицо. «Наших», с потока, тут раз-два и обчелся. Как в американских фильмах: у вас вечеринка? Тогда мы идем к вам! Осталось только разнести к чертям эту роскошную дачу

да нарваться на полицию, чтобы уж совсем было аутентично.

– Интересненько, – кивает мне Дашка на ругающуюся у панорамного окна парочку. Предмет ее воздыхания, Титов, выясняет отношения со своей девушкой. Невезучие мы с ней: влюбляемся в вечно занятых парней.

– Давай, раздеваемся и вливаемся в коллектив. – Подруга довольно улыбается. – Потусуемся здесь рядом.

– Ты что, будешь следить за ним? – тарашу в недоумении глаза на Фролову.

– Ну а что, – Дашка засовывает шапку в рукав куртки, – она свалит, а я тут как тут.

Ухмыляюсь и качаю головой. Ее дело. Пусть берет нахрапом, если хочет. Наверное, так и нужно: не ждать милостей от природы, а брать дело в свои руки. Не сидеть, как я взаперти, в ожидании Иванушки-дурачка на Сивке-Бурке.

Пробираемся сквозь толпу в просторную гардеробную. Там навалено столько курток, пальто и прочей верхней одежды, вперемешку, что становится ясно: потом мы свои вещи не откопаем.

– Оставим где-нибудь еще? Наверху, в комнатах?

– Хочешь нарваться на настоящий секс? – часто хлопаю ресницами, изображая глупую непосредственность. Не хватало еще Иванова застать в пикантной ситуации.

Дашка осекается, но потом соображает, что ей хочу донести, и ржет:

– Закрывать надо! Чтоб потом по Сети всякая мерзость

не ходила.

Предлагаю ей пройтись до застекленной веранды на дальнем конце участка и оставить одежду там. Вроде тихо и людей не наблюдается.

Оставляем пуховики на лавке в уютном строении и понимаем, что назад нам придется бежать по морозу. И хотя я одета гораздо основательнее Фроловой в ее тонкой рубашке, визжу не меньше нее, несясь назад, в тепло вечеринки. За минуту быстрого бега успеваем поднять на лай всех окрестных собак.

Заходимся от смеха в прихожей.

– Зотова, ты чокнутая! – Дашка держится за покрасневшие щеки. Ей, блондинке, румянец к лицу. Не то что мне: сливаюсь по цвету с волосами.

– Сама такая же! – толкаю ее в плечо.

А потом я поднимаю глаза и вижу у лестницы Игоря. Парень открыто, искренне улыбается мне и протягивает руку:

– Потанцуем?

Ошалев от неожиданности, не успеваю даже обрадоваться. Но вкладываю свою ладонь в его и иду в холл, оборачиваясь на подругу, показывающую мне большие пальцы вверх сразу с двух рук.

В это время в другом мире...

Хорг лениво взирал на окрестности в лучах заходящего

Светила. Узкий проем, вырубленный в скале, заменял Большому Залу окно и был единственным источником света в замке. Орки не боялись света, но и лишний раз находиться в лучах дневной звезды желания не испытывали: солнце причиняло дискомфорт привыкшим к полумраку глазам.

Первый Орк — мощный и мускулистый — наблюдал, как тренировались внизу, на каменном плато, его верные подданные. Заключение с эльфами и гномами прежним правителем перемирие не продлится долго: свирепая кровь бушует в венах Орды; она толкает орочье племя на бесконечные сражения, требует свежего, вкусного мяса, прекрасных дев, способных зачать и выносить сыновей.

Золото и драгоценности — дань за мир, откуп жителей Леса и Подземелий, мало значили для Пожирателей. Хорг принял очередную требу для отвода глаз: дать время Орде собрать новые силы. Несколько лун назад он клыками и когтями вырвал право на трон и скоро поведет свой род к славе и господству.

Помимо свежатины, было чем еще поживиться в Тривинде. Орки ценили прочную сталь гномов. Мечи и топоры, палицы и секиры, выкованные подземными мастерами, стоили гораздо больше бесполезного желтого металла. Сравниться с ними могли только редкие, закаленные магией, клинки эльфов. И самки. От скрещивания пожирателей с эльфами или гномами рождались более сильные, стойкие и жестокие воины.

Придет время, и все, что рождает Светило, будет принадлежать оркам. А потом Хорг найдет вход в человеческие уголья — в загадочный Ньезфилд, о котором слагают легенды — и даст Орде поживиться на славу сладким и мягким мясом, посеять орочье семя в телах нежных дев.

Он не будет ждать, когда Черное Дерево, Мать Всего Сущего, даст этому миру свежих пришлецов. В последние годы Древо являло их все реже и реже. И исчезали иноземцы все чаще, лишь изредка появляясь вновь.

Большая удача — заполучить пришлеца в свое распоряжение, прежде чем эльфы и гномы не забрали его, или Стражники Древа не предъявили права на нового человека. Захватить Ньезфилд — иметь тысячи тысяч пришлецов, не оглядываясь на циклы Древа и на то, кого оно явит в этот раз.

Всего-то и нужно перехватить раньше остальных новичка. Изучить, исследовать, разрезать вдоль и поперек его слабое тело. Понять, что заставляет его пересекать миры, и запустить этот процесс вспять, в другую сторону — открыть дверь в обетованные пастбища.

– Повелитель, – круглоухий раб прервал Хорга от размышлений; сгорбленный и жалкий, он упал на колени и ползком, не переставая кланяться по пути, устремился к гранитному трону в глубокой нише тронного зала.

Предводитель Орды с серо-голубой кожей, чертой принадлежности к знати, длинноухий, острозубый и лысый, молча взирал на раба, ожидая его у своих ног, не злясь и не

торопя немощного человека.

– Повелитель, – старик поцеловал обнаженную огромную ступню, – вороны разлетаются с Древа.

– Сколько? – прохрипел Хорг.

– Два, мой господин.

– Скоро прибытие. Будьте наготове.

Глава 2

Танцевать Игорь не умеет даже под современные медляки. Мы топчемся на одном месте под старую добрую «Металлику». Его руки целомудренно лежат на моей талии. Не прижимается, не пристаёт. Просто тихо качается со мной под красивую песню и молчит. Интересно, что ему нужно? И куда подевалась Ленка? Сомневаюсь, что в здравом уме она ему дала благословение на танцы с одноклассницей. Все же, танцевать с ним приятно, хотя и не отпускает мысль, что этот танец фальшивый, ненастоящий, неправильный, словно я отбиваю чужого парня.

Нас толкают такие же неуклюжие парочки, и Иванов, сохраняя равновесие, поддерживает меня, привлекая к себе. Краткое мгновение нечаянных объятий, и парень довольно чувствительно наступает мне на ногу. По инерции подскакиваю и ударяюсь лбом о его подбородок. Останавливаемся и морщимся от боли, потирая ушибленные места.

Новая композиция – и Игорь снова тянет меня в круг танцующих. Держу руки на его предплечьях: закинуть их Иванову на шею неудобно при моем невысоком росте, а сцепить в замок на талии, прижимаясь к груди, – это вообще невпопад. «Это не мой парень», – повторяю я себе.

Вот Дашка не растерялась бы и быстро взяла Титова в оборот, выпади ей такой шанс. Глазею по сторонам. Фроло-

ва стоит в компании однокурсников недалеко от Бориса и что-то увлеченно рассказывает. Последовательная в планах охотница так и пасет свою жертву. Только жертва уже всюду целуется с подружкой, и ноль внимания на новую потенциальную девушку. При желании Дашка окрутила бы на раз любого из окружающих ее парней. Миловидная блондинка, такие всем нравятся. Но Фролову зациклило на Титове, как и меня – на Игоре. Никак не могу выкинуть его из головы. А может, это просто привычка – быть влюбленной в него? Не один год, с седьмого класса, дурит мне мозги.

– Кстати, с днем рождения, – запоздало вспоминаю я и поднимаю глаза на Игоря.

Он улыбается:

– Спасибо. А поцеловать?

Он склоняет голову, медленно приближается к моим губам. Замираю в предвкушении, волнении и... панике? С чего бы мне бояться или не хотеть поцелуя от парня моей мечты? Не об этом ли грезил ночами? Романтика во всей красе – музыка, полумрак, и мы вдвоем, видим, чувствуем только друг друга. Орущая толпа в пятьдесят человек, а может, и больше, не в счет. У нас же здесь свой маленький, тесный, уютный мирок... Ну, что ты так медленно! Давай, целуй уже!

Algorithm своим переливом заставляет меня отвернуться и достать телефон из заднего кармана джинсов.

– Мама, – говорю Игорю. – Отойду, нужно ответить.

Он понимающе кивает и словно нехотя, не сразу, отпус-

кает мою руку.

Я так и не перезвонила ей. Из-за Иванова все просто вылетело из головы. Черт! Угораздило же меня поставить на ринг-тон любимую группу! Теперь при первых звуках Muse буду вспоминать о своем фееричном провале! Упустить такой момент! Включила бы беззвучный режим или просто могла набрать маму еще на веранде. Все, возможность потеряна. Не пойдешь же потом к Иванову, прося о потерянном поцелуе-поздравлении!

Как вишенку на торте, в пролете между этажами, на лестнице, вижу Соколову; Ленка стоит и потрясенно смотрит на нас с Игорем. Судя по ее взгляду, она видела намного больше, чем расставание наших рук.

В бешенстве на саму себя пробираюсь к пресловутому строению во дворе дачи. Не чувствую холод: злость так и пышет, прет наружу. Надо успокоиться. Мама и так может спалить мое местонахождение, а по срывающемуся голосу точно поймет, что со мной не все в порядке.

Не хватало еще разборок с Соколовой. Со стороны все выглядело так, будто я клею ее парня. Хотя почему «будто»? Именно так и было. Танцевала, целовалась... Ну ладно, почти целовалась. Но Ленке ведь эта маленькая разница по барабану. Она чокнутая на всю голову – начнет в универе прилюдно задираться и качать права. И как себя тогда вести? Особенно при всех. И терпилой себя не выступишь – не будешь же молча сносить издевки, – и втащить ей не вариант,

во-всяком случае, при свидетелях. Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Надеюсь, Игорь усыпит ее бдительность. Не порвет же он с ней из-за меня, в конце концов. Значит, наплетет ей с три короба.

Вот зачем он вообще меня танцевать позвал? Что это было? Желание вызвать ревность у своей девушки? Других убедительных идей на этот счет я придумать не могла.

На веранде безлюдно и тихо. На резном деревянном столике несколько маленьких бутылок с питьевой водой. Открываю и залпом выпиваю половину бутылки. Сажусь на скамейку, перевожу дыхание, снимая блокировку с телефона.

Мама опережает меня, звоня первой.

– Глашка, ты совсем совесть потеряла?! До тебя дозво-
ниться невозможно! – сразу кричит, показывая, что я нако-
сячила.

– Мам, у Фроловых ловит плохо, ты же знаешь. У них дом
как в яме. Я пока бегала, сеть ловила, ты уже отключилась.

– Ноги в руки и вперед! Домой!

Мда... Странности у мамы продолжаютсЯ. С чего так за-
велась? Все же в порядке со мной. «У Дашки», жива-здоро-
ва.

– Мам, я задержусь тут. У нас презентация завтра на дво-
их. У нее «Офис» новый, а мой ноут висит, только о стену
разбить, – продолжаю безбожно врать.

– А ты раньше предупредить не могла? Заканчивай и живо

домой! Ты нам с бабушкой нужна!

– Я вам сказала, куда иду, а вы ругались и не слышали.

Мама как-то сразу сбавляет тон и сникает, говорит с дрожью в голосе:

– Глаш, у тебя все хорошо?

– Да, все нормально, мам. Доделаем и приду. Меня Дашка с отцом проводят. Не волнуйся.

– Ладно, я еще позвоню.

Мама кладет трубку, а я начинаю беспокоиться. Сначала разговор на повышенных тонах с бабулей, теперь со мной. Не все гладко в Датском королевстве. У королевы, то бишь моей родительницы, что-то случилось. Или поехала крыша. И правда, надо домой.

Набираю Дашку, объясняю ей ситуацию. Та просит еще полчаса и тогда «точно едем». Знаю я ее полчаса. Но одной, по темноте и маршруткам, да еще в незнакомом пригороде, добираться совсем не улыбается. Решаю подождать, а потом силой утащить Фролову на автобус.

Возвращаться в дом и встречаться со «сладкой парочкой» нет никакого настроения. Не увидит меня сейчас Соколова – может, перебесится и отойдет. Вот тебе и вечеринка. Сижу, тусуюсь с телефоном в одиночестве на чужой территории. Хорошо хоть не холодно здесь, а то нашли бы завтра мои окоченевшие косточки...

Включаю финальный сезон «Сверхъестественного», чтобы скоротать время. Но не проходит и пяти минут, как мне

снова мешают. Опять ворона. Или ворон. Поди их разбери! Стучит в окно, да как сильно! Разобьет на раз огромным клювом. Машу руками, чтобы прогнать нарушительницу моего спокойствия. Но не тут-то было! Птица абсолютно меня не боится, лишь косит желтым глазом, отводит голову для большего размаха и снова продолжает долбить.

Да что ж за день-то такой! Выбегаю наружу. Казалось, ворона только этого и ждала. Черная, гигантская, ненормальная птица оставляет стекло и летит в мою сторону. В панике оглядываюсь по сторонам в поисках того, чем ее отогнать. Как назло, на вылизанном, убранном дворе ни палки, ни веточки – ничего подходящего. Ворона пикирует сверху, задевает когтистыми лапами волосы. С запозданием успеваю пригнуться и прижать руки к голове для защиты. Птица отлетает чуть в сторону и разворачивается для нового маневра. Кружит надо мной и снова атакует. Второй раз за сутки я визжу во все горло, но уже не от радости, а от страха.

Со скоростью света бегу, несусь прочь со двора, за ворота Ивановской дачи, мимо веранды и дома. Туда, куда меня гонит бешеная птица. И падаю прямо под лыжи снегохода, подрезающего меня из-за угла.

Наверное, при падении я ударилась головой, потому что прихожу в себя совсем не на снегу, а прижатая щекой к широкой груди. Понимаю, что меня несут на руках и мне совсем не холодно. А бежала я от сумасшедшей вороны в од-

ном худи. Так, стоп! Что происходит? Я потеряла сознание, когда бросилась под снегоход, — это очевидно, но кто и куда меня тащит?

Поворачиваю голову и стону от внезапной боли в затылке.
— Тише, не дергайся, — слышу низкий и приятный мужской голос. — Все будет хорошо. Выгоню машину и поедem в больницу.

Что? Какая больница? Я при смерти? Серьезные травмы? Вроде ничего особо и не болит, кроме головы. И рука немножко саднит. И кто мой спаситель? То, что виновник аварии — я, не было сомнений: выскочила из-за поворота, меня не видели. Дома меня теперь точно прибьют. То, что я не пришла вовремя, — это цветочки. На другом конце города, ночью, с незнакомым мужиком, еще и больница. Осталось только из нее меня маме забрать, и будет полный комплект, за что меня запрут минимум на месяц. И то, что мне уже восемнадцать, и я работаю по мере сил и возможности, в расчет никто брать не будет. Универ, работа — домой!

Вот же влипла!

Поднимаю глаза на мужчину, что несет меня свободно, ничуть не напрягаясь, будто веса во мне совсем нет. Блондин. Возраст трудно разобрать в темноте, да и борода обычно прибавляет года. Довольно симпатичный, хоть и не в моем вкусе. Я люблю брюнетов, парней своих лет. И гладко выбритых. А этот старше, лет тридцать ему точно есть... Какого лешего я вообще оцениваю его привлекательность? На-

до думать, как избежать проблем с меньшими потерями. А вдруг он маньяк или извращенец какой-нибудь?

– Поставьте меня, – выпаливаю первое, что приходит на ум.

– Мы пришли, – не выпуская меня из рук, он набирает код на электронном замке на воротах. Это другая дача, недалеко от Ивановых. Мы с Дашкой видели ее, шли мимо от остановки маршрутки, еще и шутили о том, что может скрывать пятиметровый забор, какие хозяйские секреты хранить.

Дом под стать: трехэтажный, основательный и внушительный. Настоящая крепость. Свет во дворе включается сам, как только мы переступаем порог. В быстром взгляде мужчины, брошенном на меня, я вижу золото; оно мерцает, сверкает и переливается в свете фонарей. Опять глюки? Хорошо я приложила все-таки головой...

Он вносит меня внутрь гостиной, сажает на диван, берет лицо в ладони и внимательно смотрит. Я позволяю ему меня трогать, хотя минуту назад и размышляла о потенциальной опасности такого неожиданного знакомства. Теплые, но жесткие, шершавые ладони. Странно, но мне приятны его прикосновения. Кажется, что он что-то ищет в моих глазах и, не найдя, удовлетворенно вздыхает. Он что, по зрачкам видит, есть ли у меня сотрясение мозга? Если такой опытный, зачем говорил про больницу?

– Я сейчас, ты ложись и старайся не двигаться, – наконец говорит мужчина и уходит из комнаты.

Ну да, еще не хватало тут разлечься. Я осторожно ощупываю затылок; большая шишка, крови нет. Что там при сотрясении бывает? Тошнота? Вроде не наблюдается. Но могут же быть и другие последствия. В больницу все же надо бы, он прав, только следует Дашку предупредить, а лучше взять ее с собой. Вот! Самый оптимальный вариант. И не нужно бояться незнакомцев. А скорую вызвать – еще лучше.

Я опускаю руку в карман и не нашариваю в нем телефон. Ну конечно, он же остался на веранде, как и пуховик. А на мне чужая куртка. Вот почему я не чувствовала холода. Какой заботливый маньяк!

Рассматриваю комнату в отсутствие хозяина. Решетки на окнах. Не сбежать, если что-то пойдет не так... Аскетичная, brutальная обстановка. Из всего уюта только камин с настоящими, тлеющими углями да оленьи рога над камином. Стены даже внутри отделаны брусом. Кругом дерево, включая и необычную инсталляцию на стене в виде черной, гладкой ветки. Хм... у бабушки в комнате почти такая же, только чуток поветвистей. Она уверяла, что это довольно старое и редкое настенное украшение, доставшееся ей еще от ее прабабушки. И правда, первый раз вижу такое вне своей квартиры.

Расспросить бы своего спасителя об истории его черного дерева. Возможно, нашлись бы параллели между нашими родами в прошлом, а может, все гораздо проще: вещица советского периода, ценная только для семьи с ее собственной,

личной историей.

Мужчина возвращается с перекисью водорода и бинтами, усаживается рядом, намереваясь оказать мне первую помощь. Только сейчас вспоминаю, что не просто так болела рука. Теперь, когда он закатал рукав моей кофты повыше, вижу, что кожа ободрана от кисти до локтя. Счесала при падении о колючий настил. Непроизвольно вздрагиваю и вырываю конечность из его хватки.

– Это всего лишь перекись, – он делает новую попытку залить шипящей жидкостью мои раны.

– Вы кто? – убираю руку за спину, к спинке дивана. Надо расставить все точки над «и», прояснить ситуацию и не строить безумные догадки.

– Я Макс, сосед Ивановых. Ты ведь от них бежала?

Утвердительно киваю.

– Тебя там обидели? Неслась как на пожар.

И что сказать? Что испугалась глупой птицы, невесть откуда взявшейся ночью?

– Нет, – отвечаю, но он видит мое замешательство перед ответом и повторно спрашивает:

– Точно? Может, полицию вызвать?

«Лучше ГИБДД», – думаю про себя, а вслух произношу:

– Все в порядке.

Вижу колебание на лице Макса – он мне не верит, что и озвучивает:

– Знаю я этих богатеньких деток.

– Да нет, мы в фанты играли. Ну... мне и выпало пробежаться по морозу.

Он брезгливо фыркает, льет перекись мне на кожу уверенным, отработанным движением, не жалея антисептика и не обращая внимания, что заливает гобеленовую обивку, затем умело бинтует мне руку.

– Вот что мы сделаем... Как тебя зовут-то?

– Глаша, – смотрю прямо в глаза Максу. Голубые. Ну а какими еще они должны быть у блондина? А он уже осторожно, едва касаясь, ощупывает мой затылок на наличие повреждений.

– Мы едем с тобой в больницу, Глаша.

– Мне нельзя в больницу. Мне нужно домой. Со мной все хорошо, – строчу, как из пулемета, – и претензий к вам никаких нет.

Вскакиваю на ноги и делаю шаг по направлению к двери.

– Меня там подруга ждет. Нам на последнюю маршрутку нужно успеть.

Макс останавливает меня, берет за плечи. Когда он сидел рядом, я не могла в полной мере оценить его габариты. Высоченный как шкаф! Такому и дверь запирать не надо: просто встать в проеме и все – не сдвинешь.

– Последний автобус ушел десять минут назад. Я отвезу тебя, куда скажешь, но сначала нужно показаться врачу. Я не прощу себе, что покалечил ребенка.

«Ребенка»? Это он про меня?

– Я студентка, если что, – ловлю его удивление и принимаю определение как оскорбление в лучших чувствах. Сама не знаю, почему становится не по себе, неприятно. Он старше, да, но в отцы мне точно не годится. И я не желторотик какой-то. Хотя в моем прикиде и без макияжа насколько я выгляжу? На шестнадцать? Для него что шестнадцать, что восемнадцать – мало разницы.

– Еще раз говорю, что со мной все в порядке. Если будет плохо, а это вряд ли, схожу завтра сама в поликлинику.

Он молчит несколько секунд, размышляя, а затем берет свою куртку, заворачивает меня в нее и мягко подталкивает к двери.

– Идти сама сможешь?

– Так мы куда? – делаю движение плечами в тщетной попытке подтянуть вверх сползающую с меня одежду, на десяток размеров больше той, что я обычно ношу.

– К Ивановым, за твоими вещами. Ты же не думаешь, что пушу тебя к ним одну?

Глава 3

В сопровождении Макса иду на веранду за пуховиком и мобильником. Хорошо, что холодно: вся наша тусовка в помещении и не видит моего неотступного секьюрити. По идее, с его стороны это проникновение на частную территорию. Или вместе с приглашенной не считается? Привели же многие друзья друзей, а я чем хуже? Правда, мой «дружок» не особенно вписывается в окружающую обстановку. И от вопросов «кто это» и «что у тебя с ним» будешь потом неделю отбиваться.

Телефон, как и наши с Дашкой куртки, мирно покоится на лавке – там, где я его бросила. На заставке вижу пропущенный звонок от мамы и несколько от Фроловой.

– Я могу подругу забрать? – спрашиваю у Макса, ждущего в дверях. – С нами, на машине?

Получив утвердительный кивок, набираю Дашку.

– Ты куда пропала? Я тебе звоню-звоню!

– Да я тут погуляла немножко. – Может, потом и расскажу ей о своих приключениях, но не сейчас, ни при моем спасителе от пернатых. – Ты домой едешь?

– Так маршрутка уже ушла! Дуй сюда, нас потом Титов отвезет!

Подруга так орет, пытаюсь перекрычать музыку, что Макс в курсе нашего разговора с обеих сторон. Жестами и мими-

кой он показывает, что довезет меня сам, как и договаривались. Любая здравомыслящая девушка ушла бы сейчас к друзьям, а не намыливалась в дорогу с человеком, которого знает не больше часа. Макс удивительно располагает к себе и внушает доверие. Как и любой среднестатистический ма-
няк. Не боюсь его, но и подстраховаться не мешает, поэтому специально упоминаю про него для Фроловой:

– Даш, я уезжаю. Меня соседи Ивановых подбросят в город.

– Какие соседи? Глаш? Ты там что, по гостям шастала?

– Из дома с забором, что мы видели.

– Ну, смотри сама. Как хочешь. – Чувствую по голосу, что Дашка обижается, что не остаюсь вместе с ней, но тут в приоритете или она, или мама. А если Дашка, то в итоге домашний арест.

– Давай, до завтра, созвонимся, – говорю ей и нажимаю отбой.

Мчимся в ночи на большой скорости. Но езда с Максом – одно удовольствие. Не знаю, какой марки его машина, я не особо разбираюсь в них. Похожа на джип, защитной окраски, вроде тех, на каких ездят на охоту. Большой, серьезный, надежный автомобиль. Как и его хозяин. За время нашего недолгого пути и разговоров о кино и погоде я совсем перестаю его бояться. Вернее сказать, я перестаю искать потенциальные причины для своей осторожности в его присутствии,

и везет он меня по знакомой дороге и к месту назначения, а не в глухой лес или в промышленную зону.

Мы въезжаем в город, когда я звоню маме, что скоро буду дома и иду вместе с Дашкой и ее отцом.

Макс ухмыляется, когда обрываю связь:

– Маме врать нехорошо.

– А что ей сказать? Что меня везет незнакомец, который меня сбил в придачу?

Трудно считать эмоции за густой растительностью на лице, но видно, что ему неприятен мой пассаж. Некоторое время он молчит, а потом достает из бардачка блокнот и ручку, протягивает мне:

– Пиши.

Записываю под диктовку его номер телефона, послушно отрываю лист и убираю в карман.

– Будет плохо, сразу звони. Покажу тебя хорошему специалисту.

Макс паркуется у моего дома. Повезло, что окна выходят не на дорогу, а то у кого-то был бы инфаркт миокарда, глядя на дочь, выходящую из чужой тачки.

– Спасибо за доставку, – открываю дверь и вдыхаю колющий воздух. Натягиваю поглубже шапку на уши и буквально выпрыгиваю наружу. С удивлением замечаю, что Макс выходит из автомобиля вместе со мной.

– Провожу тебя, – поясняет он. – Мало ли, что случится в двух шагах от квартиры.

Я пожимаю плечами в знак согласия, надеясь, что домашние сочтут Макса за Дашкиного отца, если будут высматривать меня в окно. Как назло, поскользываюсь на расчищенном от снега почти до асфальта тротуаре. Макс подхватывает меня, не давая упасть, и так и ведет меня к подъезду, принимая за талию.

Психую. Вырваться – не вариант. Другой бросил бы там, на морозе, и дело с концом. А этот ко мне по-доброму, возится, проявляет участие. Зачем обижать, когда практически пришли и сейчас распрощаемся. Но со стороны мы смотримся как влюбленная парочка, и если меня спалят, Фролов точно отпадает как страховка. В обнимку с Дашкиным отцом – еще тот зашквар. Лучше уж со взрослым мужиком. Поглядываю на окна с опаской обнаружить в них маму или бабушку.

Макс поднимается вместе со мной на третий этаж. Мое желание раскланяться еще внизу также отклоняется под эгидой безопасности. С каждым шагом наверх молю Бога, чтобы мама не вышла навстречу теперь, когда я миновала уже почти всю полосу препятствий.

Поворачиваюсь к мужчине и шепчу:

– Все, пришли, вот моя дверь. Спасибо, что проводил.

– Пока, Глаша. – Макс наклоняется и чмокает меня в нос.

Будильник нещадно трещит.

Тянусь и хлопаю по клавише, чтобы выключить раздража-

ющий звук. По старинке меня будит древняя модель, а не мелодия на телефоне; телефон я просто выключаю на автомате и кладу под подушку, сколько бы повторов ни стояло. Будильник – не гарантия, что я встану с кровати, но его громкий звон служит маме сигналом, что пора тормошить спящую беспробудным сном дочь.

Вот и сегодня я не встаю сразу, но и не сплю. Просто лежу, вспоминая богатый на события вчерашний день. И если раньше все мои помыслы занимал Игорь, то теперь его полностью вытеснил загадочный Макс с неожиданным поцелуем. Что это было? Что за порыв приласкать незнакомую сопливую девчонку? Не думаю, что я могла его увлечь или заинтересовать как женщина. Взрослый, привлекательный, состоятельный мужчина... Такому длинноногих моделей подавай, как та же Соколова, а не я, метр с кепкой. Не моего полета птица...

Кстати, про птиц. Сажусь на кровати и с опаской смотрю в окно. Слава богу, никаких ворон. Так и до фобии недалеко, и будешь шараться даже от воробьев.

– Встала уже? – заходит ко мне в комнату и садится на кровать мама, затем крепко обнимает: – С днем рождения, зайчик!

Обнимаю ее в ответ, утыкаюсь ей в шею. Начинает мучить совесть, что вчера так психовала на нее и бабулю; они любят и переживают за меня. Думаю, внезапная гиперопека была вызвана моим приближающимся совершеннолетием. Пони-

мают, что, все, девочка выросла, уходит из-под их влияния, так просто уже не накажешь и ничего не запретишь. Не сказать, что меня как-то сильно и прессовали. В этом не было надобности: я послушная дочь и внучка. Сказали – сделала. Или сделала так, чтобы не знали. Впрочем, мои тайные обхождения каких-то запретов вреда не несли ни мне, ни окружающим: ничего криминального и предосудительного. В основном тайные вылазки с Дашкой на разные мероприятия, вроде вечеринки у Игоря.

– Крошечка моя, – гладит меня по спине мама, – моя маленькая белочка. Ты – мое самое большое сокровище. Уже такая взрослая.

Ее голос дрожит.

– Когда только успела вырасти?

Нос начинает подозрительно пощипывать.

– Что бы ни случилось, я всегда буду рядом, поддержу и утешу. Это для других ты взрослая – для меня ты навсегда моя милая сладкая дочурка.

Мама всхлипывает, а я вслед за ней. И вот мы уже ревом вдвоем, заливая слезами пижамы друг другу.

– Никому тебя не отдам и никуда не отпущу, – крепче прижимает меня к себе мама.

– Что еще за мокрое царство вы тут устроили? – стуча палкой, в комнату заходит бабушка. Она садится по другую сторону от меня и тоже обнимает: – С днем рождения, дочь наша! Все, вставайте, плаксы, идем пить чай!

Вдыхаю пряный аромат бабулиного чая. Сколько себя помню, она всегда поит меня им по утрам. Травы для чая бабушка собирает сама, высушивает, раскладывает по холщовым мешочкам. Она говорит, что напиток особенный, лечит любую хворь. Что правда, то правда – не помню, чтобы чем-то сильно болела, как и домашние. Может, иммунитет у нас сильный сам по себе, но мы верим, что именно бабушкин чай его укрепляет.

На часах полшестого. Как раз успеваю насладиться напитком и пошурюю на метро. Сегодня с утра моя смена. Забрать документы, отвезти в центральный офис и обратно – не бог весть какая работа. Платят немного, но в нашей фирме удобный график для курьеров, студентам идут навстречу, подстраиваясь под их расписание. Пока меня все устраивает: успеваю и денег хватает на девичьи мелочи.

– Держи, – протягивает мне хлеб с колбасой мама. – Какие планы на сегодня?

– Работа, потом в универ ко второй паре. – Запиваю чаем бутерброд. – Потом с девочками в кафе идем.

– Ты домой перед кафе заскочишь?

– Угу. Надо же марафет навести.

Мама смеется и гладит меня по растрепанной гриве:

– Ты у меня и так красавица.

Хорошо ей говорить: они-то с бабушкой роскошные брюнетки. У бабушки даже в ее возрасте почти нет седых волос.

А я пошла в отца – рыжая и немножко конопатая.

Push-уведомление освещает экран телефона, и я вздрагиваю от внезапной мысли, что это Макс мне пишет. Но тут же осекаю себя: этого просто не может быть. Он дал мне свой номер, а не я ему. Насколько уместным будет сообщить Максиму, что со мной все в порядке? Сказал же звонить, если будет плохо, а со мной все хорошо. Да и после того чмока в нос говорить с ним неудобно. Вчера я ловко вынырнула из-под его руки и молча убежала домой, даже не попрощавшись. И с его стороны «до свидания» не было – только тихий смех вдогонку.

Беру мобильник и вижу сообщение от Фроловой. Она только-только добралась домой и в универ не собирается. Неудивительно: какая учеба после бессонной ночи.

– Глаша! – как-то робко улыбается бабушка. Видно, что волнуется. – Я хотела вечером тебе подарить, но у тебя столько дел...

Дрожащей рукой она протягивает мне небольшой кулон.

– Семейная реликвия... Столько лет хранила.

– Спасибо, бабуль! – целую ее в щеку и рассматриваю удивительной красоты украшение.

Черный и узкий овальный кулон пересекает сверху донизу спираль из зеленого камня. Витая цепочка из темного металла. Изящно и стильно, вполне современно – не винтаж. Никогда раньше не видела, даже не слышала о таком раритете, хотя в детстве устроила обыск в бабушкиных «богаче-

ствах» в комод.

– Это дерево и малахит, – говорит старушка. – Нравится? Будешь носить?

– Еще бы, бабуль! – снова целую и обнимаю ее. – Спасибо!

– Тогда примерь, дай посмотреть на тебя.

– Хорошо, – натягиваю на себя кулон и замечаю, как мама отвернулась к окну, скривив губы в горькой усмешке.

Глава 4

– Занятная вещица, – Таня, одnogруппница, крутит кулон на моей шее.

– Бабушкин подарок, – уточняю я.

– Дорогой?

Я неопределенно пожимаю плечами: откуда мне знать. Потом расспрошу бабулю о происхождении семейной реликвии. Утром было некогда – я унеслась развозить документы. И чудом не опоздала на пары: пришлось ждать моего непосредственного руководителя, пока тот не вернется со срочной планерки.

В фирме царил переполох в ожидании владельца. По разговорам и слухам, дошедшим до меня, он всегда приезжал внезапно. Кто-то слил информацию, что сегодня он посетит филиал, вот сотрудники и носились все как угорелые, подчищая хвосты. Хорошо, что я занимаю второе место с конца в этой иерархии, после уборщиц, и весь хаос меня не трогает, сохраняя нервы. Успеваю уехать до прибытия легендарного начальника.

Насмотревшись на беготню клерков, я все меньше хочу работать в подобном учреждении, хотя и понимаю, что после окончания универа мне прямая дорога в такой же офис. Экономика, мать ее за ногу. И зачем я только ее выбрала?

– Древний, – с другой стороны от меня шепчет Вера.

Мы сидим на лекции по философии и просто умираем от безделья. Записывать за преподавом бесполезно: он бубнит со скоростью света себе под нос, не обращая внимания на посторонние занятия студентов. Для него главное, чтобы было тихо, вот все и залипают в телефонах. Благо весь материал давно оцифрован старшекурсниками и куплен у них в складчину.

– Да ну, какой «древний»? – тянет Таня кулон Верке под нос, заставляя меня тянуться вслед. – Новый, не покоцанный.

– Да хватит вам! – вырываю черный овал и убираю его под пуловер. – Нас сейчас выгонят!

Фыркнув, девчонки отворачиваются, но показная обида длится недолго: через несколько минут телефон освещается извещением о сообщении в общем чате.

«Везет Дашке. Она спит, а мы тут паримся (плачущий смайлик)».

«С Титовым. Гыы».

Ни одной, ни второй не было вчера у Иванова на даче, но сплетни, как обычно, идут впереди нас. Удивительно, что никто из девчонок даже не намекнул на наш с Игорем танец. Значит, мало кто заметил, или не придали значения: ну, танцевали и шут с ними. А Соколовой, если она помирилась с Игорем, самолюбие не позволит трепаться о том, что ее парень смотрит налево. За себя можно выдохнуть? А каких дров наломала Фролова?

Строчу вопрос: «Что там с Дашкой?»

«Уехала с ним вдвоем».

«А шлендра его осталась на даче».

Нет, если бы Дашка закадрила Бориса, она бы мне весь телефон оборвала, а не лишь в беседу написала. Наверное, просто подвез, как и обещал. Что его девушка ехать не пожелала, тут другой разговор: поругались же, вот и осталась на даче, как и другие ребята.

Веду глазами по сторонам. Студентов раз-два и обчелся. Большинство из нашего потока были вчера на той вечеринке, значит, народ спит или продолжает тусить. Только я благодаря Максy провела ночь в своей постели.

Его номер я добавила в список контактов и несколько раз уже одергивала себя, чтобы не позвонить. Ни к чему это. Но все же раз за разом прокручиваю в голове вероятный сценарий нашего разговора и потенциальную возможность встречи. И как выкинуть его из головы?

«Глаш, мы тут подумали, – отвлекает меня от мыслей о Максе Таня в чате, – давай в кафе не пойдем?»

Во дают! Две недели трещали мне про «проставиться».

«Верно, восемнадцать лет и кафе – несерьезно», – поддакивает Вера.

«И?» – спрашиваю я.

«Говорила же, Олька устроилась барменом в "Плазму". Она нас проведет».

«Плазма» – новый ночной клуб в нашем городе, и по-

пасть туда простые студентки, как мы, просто мечтают. Только девчонки не учли одно: Ольга точно не даст нам разгуляться, даже если пустит через черный ход. Чтобы старшая сестра намешала коктейлей младшей? Ну-ну. Но я сдаюсь, даже не ломаясь. Когда еще выпадет возможность посетить заведение не для среднего класса.

«А давайте», – соглашаюсь я, ставя вместо точки улыбающийся смайлик.

В «Плазму» мы попали без проблем – спасибо Таниной сестре. Она даже поставила нам ультрафиолетовые печати на руку, чтобы не выделяться, хотя охранники были в курсе, что мы Ольгины протеже. Ей же поручили и миссию по доставке подарка, тайно, дабы именинница не обрадовалась раньше времени. И теперь огромный белый заяц ждал меня в подсобке; потом тащиться с ним домой – тот еще квест.

Мы надегустировались Ольгиных творений – слабоалкогольных, как и ожидалось, но нам весело и без градусов: хватает своей дури, чтобы веселиться и отжигать на танцполе, как будто и не было позади учебного, а у кого-то и рабочего, дня. Дашка, как вечный энерджайзер, выпавшаяся и отдохнувшая, не дает нам присесть и передохнуть за столиком.

Людей много, не протолкнуться. Хороший диджей и отличная музыка. Но оформление клуба мне не нравится – слишком вычурно. Дизайнер явно вдохновлялся дубайскими мотивами, я видела подобное в инсте. Конусообразные

хрустальные люстры, огромные розовые цветы и бабочки, свисающие с потолка. А может, я просто ничего не понимаю в гламуре.

Сама я выгляжу слишком просто для этого заведения: короткое джинсовое платье, туфли на шпильках, смоки айс да распущенные волосы. Не знаю, как мама и бабушка не заметили бинт под пижамной курткой. Сейчас я его сняла, но приходится прятать раненую руку под длинным рукавом.

Но по большому счету здесь всем наплевать, кто во что одет. Пятница, вечер – народ отдыхает и расслабляется на полную катушку. И если вначале, по прибытии в клуб, кто-то и расфуфырен по последней моде, через некоторое время выглядит таким же мятым, лохматым, с размазанным макияжем, как и основная масса гостей. Хорошо, что мы не достигаем такой кондиции: Ольга не позволяет, да и своя голова на плечах имеется.

Спустя час энергичных танцев Дашка загоняет меня в буквальном смысле, и я иду в туалет «попудрить носик». Реальная причина – немного перевести дух. Туалетные комнаты расположены в другом крыле клуба. В холле, разделяющем помещения, чуть меньше людей, чем в танцевальном зале.

– Зотова, ты? – слышу я знакомый голос и оборачиваюсь.

Иванов. В верхней одежде – наверное, только приехал. Улыбается и пробирается ко мне. Вот его я ожидала встретить меньше всего. Странно, но я совсем не рада его видеть.

Смотрю на красивую, модельную мордашку – хоть сейчас на обложку глянца – и не испытываю тех эмоций, что раньше. Еще вчера чуть не кипятком писала в его присутствии, а сегодня как отрезало. И впрямь травма головы.

– Привет, – трогает меня за плечо он. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

Игорь прав. Если бы не Ольга, не видать нам приглашений в этот клуб как своих ушей. За Ивановым никогда не наблюдалось мажорских замашек, только из-за вечеринки и узнала, насколько он богат. Игорь не будет задаваться, кичась своим положением, но я ни за что не расскажу ему, как мы сюда попали. И без этого какие-то заморочки, и все накатываются, как снежный ком.

– Привет, – просто здороваюсь, не выдавая ему дополнительной информации.

– Ты с кем здесь? – спрашивает Игорь и осекается, смотря куда-то назад, поверх моей головы. Я оборачиваюсь и еле сдерживаю удивленный взглас.

У меня за спиной стоит Макс. Хозяйским вальяжным жестом он кладет руку мне на талию и прижимает к себе. Я не успеваю даже пикнуть (настолько обескуражена), как слышу:

– Со мной.

– Макс? Давно приехал?

Они пожимают руки.

Эти двое явно знают друг друга. Логично, ведь они соседи. Но что происходит? Очевидно, Макс затеял какую-то

игру, но какую именно? Для чего этот маскарад с представлением меня в качестве своей спутницы? Только желание узнать его истинные мотивы заставляет меня оставаться на месте, не вырываясь из объятий.

Сегодня Макс выглядит по-другому: волосы коротко подстрижены, борода приведена в порядок. Стилль непринужденный: джинсы, пиджак поверх темного пуловера. Денди, а не обросший пещерный человек, как накануне. Но внутренний стержень, мужское начало не удастся скрыть за модным камуфляжем. Макс притягивает к себе, как магнит. Не будь он блондином, потеряла бы голову.

Приятно осознавать, что Игорь тоже ошарашен. Я стараюсь держать марку и оставаться невозмутимой, будто все в порядке, но пробивает на смех. Вчера Иванов использовал меня, чтобы вызвать ревность у Ленки, а сегодня я проделываю такой же финт. Только мой «вспомогательный объект» намного солиднее и взрослее, да и я не прикладывала к закону бумеранга никаких усилий. Наверное, со стороны я выгляжу довольной и счастливой – уголки губ усиленно ползут вверх.

Двигаю бедром, чтобы Макс отодвинулся. Хочу видеть и его лицо, считать эмоции, снизу вверх смотреть на него неудобно. Однако не тут-то было: мужчина по-своему понимает мой порыв и не сильно, но ошутимо вдавливая пальцы в бок, подавая сигнал оставаться на месте. Более того, он обвивает меня второй рукой и кладет подбородок мне на ма-

кушку, окончательно впечатывая в свое тело.

– Вчера, – отвечает Макс дружелюбно, что никак не вяжется с его поведением.

– Ну как, покори́л Эверест? Сашка говорил, ты собирался в горы.

– Пару вершин пониже.

– Понятно, – протягивает Игорь. Он покачивается на пятках, засунув руки в карманы брюк, и посматривает по сторонам, словно выискивает кого-то в толпе. Ждет Соколову или демонстрирует деланное безразличие, видя меня с Максом? У каждого из нас свой интерес. Осталось узнать, какое место в этом странном квартете отведено мне.

– Надолго вернулся или опять уедешь? – Досада все же прорывается через оборону Игоря, а в голосе неприкрытая надежда на скорый отъезд соседа. Глупо считать, что их пикировка связана со мной: здесь более глубокие корни тщательно маскируемой неприязни.

– Там видно будет, – Макс наконец отлипает от меня, но держит за руку. – Мы пойдем. Увидимся.

Он тянет меня к выходу из холла в главный зал. Я послушно иду за ним, надеясь наедине выудить из него всю информацию.

– Вы что, встречаетесь? – доносится нам вслед.

– А на что это похоже? – через плечо бросает Макс, уводя меня подальше от Иванова.

Глава 5

– Что ты здесь делаешь? – перехожу я с ним на «ты» – после представления, что мы устроили для Иванова, политес излишен. – Зачем ты сказал Игорю, что мы вместе? Зачем этот цирк?

Я закидываю Макса вопросами, пробираясь вместе с ним через танцующую публику. Он идет впереди, прокладывая нам дорогу, не церемонясь, расталкивая и распикивая людей. Невероятно, но толпа расступается перед ним, и не находится смельчаков, чтобы осадить грубияна. Кто он такой, если с ним опасаются связываться?

– Я отвечу на твои вопросы, только не на все скопом. Задавай по одному.

Макс заводит меня в ВИП-комнату и закрывает дверь.

– Садись, – кивает он на розовый кожаный диван. Даже private помещения в этом клубе отвратительно розового цвета; меня передергивает от неприязни к подобной аляпистости.

– Замерзла? – не дожидаясь ответа, Макс снимает свой пиджак и накидывает мне на плечи. Усаживается напротив и упирает локти в колени, почти касается ими моих ног. Инстинктивно натягиваю короткий подол пониже, хоть и безрезультатно. Еле заметно Макс ухмыляется и отсаживается от меня подальше, откидывается на спинку дивана, освобождая

мне личное пространство.

– Что ты здесь делаешь? – возвращает мои слова, первым начиная расспрос.

– Гуляем с девчонками. У меня день рождения.

– Ясно. – Его ухмылка становится шире. – И сколько тебе стукнуло? Шестнадцать?

Закатываю глаза к потолку и не достаиваю его ответом.

Макс смеется:

– Шучу. Сюда не пускают до восемнадцати.

Знал бы он, как мы сюда попали. Нас и с паспортами бы не пустили, если б не Ольга.

– А ты что здесь забыл? Клуб «Кому за тридцать» в другом районе, – атакую я, перехватывая инициативу.

– Ты так спрашиваешь про мой возраст? И сколько мне по-твоему?

Впервые за время нашего короткого знакомства мне выпадает возможность получше рассмотреть его. Я поддаюсь поближе к Макс, не стесняясь, открыто пялюсь на него, раз выпала такая возможность. Широкие брови, темные, совсем не белесые, как и густые ресницы. Чуть заметные мимические морщинки в уголках ярких глаз. Родинка слева над губой. Красавчик! Такие нравятся девушкам. И до старости еще далеко.

– Пятьдесят, – выпаливаю я, не сдерживая улыбку.

– Почти. – Он опять приближается ко мне и в свою очередь также нагло разглядывает мое лицо. И, кажется, вполне

удовлетворен увиденным. – Мне тридцать два.

Как я и предполагала, ему за тридцать. Мужчина в полном расцвете сил и слишком взрослый для меня. И что я вообще про это думаю?

– Это клуб моего кузена, – объясняет Макс.

– Скажи своему кузену, что дизайн здесь просто отвратительный! – не удерживаюсь я.

– Согласен. – Макс поднимается и достает из холодильника, скрытого в нише, бутылку с водой. – Пить хочешь?

Я отрицательно качаю головой. Макс отвинчивает крышку и залпом осушает половину литровой бутылки.

– Вот сама ему и скажешь. Он стоит в пробке, скоро приедет.

Вот еще, с чего бы мне знакомиться с его родственниками? Надо быстрее расспрашивать про Иванова и валить отсюда.

– Ты не позвонила, – опережает меня Макс, констатируя факт.

– Все хорошо. Зачем навязываться?

Он сверлит меня недоверчивым взглядом:

– Голова не болит? Галлюцинаций нет?

– Каких галлюцинаций? – теряюсь я.

– Да всякое может быть при ударе головой. – Он присаживается рядом со мной. Двигаюсь, уступаю ему место.

– Как рука? – Не спрашивая разрешения, Макс закатывает рукав и осматривает ссадины.

– Все в порядке, – говорю я, выделяя последнее слово. Вырываю руку из его ладоней и озвучиваю свой главный вопрос: – Зачем ты увел меня от Игоря?

– Ради тебя. Раз начал спасать, нужно доводить дело до конца.

– Спасать? От Иванова?

– Не лучший круг общения для юной особы, – сквозь зубы процеживает Макс. Видимо, ему известно об Игоре гораздо больше, чем мне.

– Он не сделал мне ничего плохого, – возражаю я, на что сразу получаю замечание:

– И поэтому ты убегала сломя голову?

– Я уже говорила, почему бежала вокруг дачи. – Стараюсь отвечать спокойно, но голос все же срывается от нетерпения. – Да что происходит-то? Ты можешь нормально рассказать?

– Олег Иванов. Знаешь такого?

– Старший брат Игоря?

Олега я видела пару раз в жизни, еще в школе, когда он забирал младшего Иванова из школы. Помню его еще долго-вязым подростком, сейчас и не узнала бы, если бы встретила.

– Любитель шумных вечеринок, после которых, – Макс многозначительно смотрит на меня, – наивных девочек вроде тебя пускают по кругу.

С шумом выпускаю воздух из легких. Нет, не может быть. Даже если Олег в чем-то замешан, это не значит, что Игорь такой же. Я знаю его столько лет, и за это время какие-то

слухи просочились бы. Девушки сами вешаются на него, в последнее время их, правда, всех разогнала Соколова. Мало ли что раньше было на тусовках Олега, Игорь не отвечает за брата.

Не в защиту младшего Иванова, но ради непредвзятости и справедливости говорю:

– Это была днюха Игоря. Там были все наши однокурсники, и ничего такого не происходило!

Говорю, а сама вспоминаю, как мы ржали с Дашкой о сексе за закрытыми дверями. Случись что, никто бы и не узнал – такой шум стоял. И потерпевшая сторона не станет болтать: заклеят шлюхой «во всем самой виноватой». Неужели тот танец с Ивановым мог обернуться для меня катастрофой? И как после такого вообще доверять людям и пытаться строить отношения? Везде искать подвох? Постоянно оглядываться?

– Я не стал бы пугать тебя просто так, без повода. Какой мне в этом резон? – добавляет Макс. – Я предупредил тебя, а дальше думай сама. Не стоит общаться с этой компанией.

Гляжу на Макса и понимаю, что он не врет, однако поверить до конца в вероломность Игоря я не в состоянии. Видимо, сомнения, бушующие внутри, отражаются на лице, поскольку Макс покровительственно похлопывает меня по спине:

– Не бойся. Он к тебе на пушечный выстрел теперь не подойдет.

– Думаешь, он поверил, что мы вместе? Ты вернулся толь-

ко вчера, ты сам ему сказал.

– Я показал ему, что ты моим покровительством. Он даже не посмотрит в твою сторону.

– Да с чего ему смотреть на меня? У него есть девушка, и ко мне никаких знаков внимания. Ты преувеличиваешь опасность!

Макс хватает меня за щеки, наклоняется и шепчет почти в губы:

– Это ты не чувствуешь опасность. Оторвана от жизни, как тепличное растение.

Он не делает попытки придвинуться ближе, но его губы находятся в миллиметрах от моих. Я чувствую его свежее дыхание и слышу бешеный стук собственного сердца. Понимаю, какой урок он хочет мне показать. Как наивная дурочка, я сижу в приватной комнате со взрослым мужчиной, вот так, сходу, зная его всего лишь сутки, доверяю незнакомцу. Он волен сделать со мной все, что захочет, не оставляя мне ни единого шанса на другой исход.

Макс прав: я витаю в облаках и слишком доверяю людям. Разум подсказывает сорваться с места, оттолкнуть, убежать от него самого и его неожиданной опеки. Или чего похуже – в чем он обвиняет Игоря. Спасая меня от него, сам действует точно так же, вышибает клин клином. Однако сердце, еще секунду назад выплясывающее джигу, внезапно ухает вниз, и вместе с этим приходит осознание, что я не просто смиренно

ожидаю своей участи, а жажду поцелуй Макса.

Что за коктейли намешала нам Ольга, раз у меня такая реакция на мужчину не моего типажа? Да, вкусы меняются, но не за один же день! Или дело именно в нем, в его мощной мужской энергетике? Или во мне, истосковавшейся по отношениям с противоположным полом? Я так мечтаю о парне, что готова штабелем сложиться у любого, проявляющего ко мне определенный интерес?

Рука Макса сползает вниз, и он нежно, чувственно проводит большим пальцем по моей шее и замирает у яремной впадины. Следуя за лаской, я чуть подаюсь вперед, сокращаю и так минимальное расстояние между нашими губами. В ответ получаю лишь легкое касание – невинное, едва ощутимое.

– Извини, – говорит он и убирает руки, отстраняясь. Вижу, как сильно пульсирует вена у него на виске. Будто с трудом удастся оторваться от меня. Мне хочется так думать, потому что сама я испытываю разочарование.

И это мой первый поцелуй? Я даже не успела понять, приятно ли это, не говоря о том, чтобы получить нечто большее. Дежавю: второй день, второй парень. И опять меня обломали и кинули. Нецелованная до совершеннолетия, нецелованная даже в день рождения. Карма за покушение на чужих парней?

Макс продолжает как ни в чем не бывало:

– У них вся семейка с гнильцой. Просто поверь и не де-

лай глупостей. Я видел его реакцию на тебя. Не связывайся с ним.

Да от вас двоих лучше держаться подальше! Устроили мне эмоциональные качели. Так и новые комплексы нажить нетрудно, а то у меня своих мало.

– Ладно, – встаю с дивана, снимаю его пиджак и направляюсь к выходу. – Буду осторожна. Я пойду. Девчонки, наверное, ищут.

– Веселись, – соглашается он.

Так и хочется ему бросить фразу «спасибо, что разрешил», но удерживаюсь: кто его знает, какотреагирует на мой сарказм.

– Сколько вас? – слышу вдогонку и оборачиваюсь.

– Кого? – не понимаю вопроса.

– Подружек твоих.

– Четверо. А что?

– Да думаю, поместитесь ли все. Развезу вас домой. Или ты хочешь оставить их?

– Спасибо, Макс, но мы сами доберемся.

Я быстро выскальзываю за дверь, пока он опять не оставил меня каким-нибудь поучением или новой байкой. Зачем нам продолжать знакомство? Ничего общего у нас нет – и возраст, и положение в обществе, скорее всего, и интересы никак не соприкасаются. Про романтическую составляющую и говорить не стоит: считает меня объектом своей защиты и покровительства. Не столкнуться бы снова с ним или

Игорем. Или с Игорем на глазах Макса. Да наплевать! Выслушала, приняла к сведению. У меня своя голова на плечах.

Глава 6

На мою попытку сменить место дислокации для дальнейшего празднества девчонки ожидаемо отвечают отказом. К чему в ночи искать новый клуб, в который нас всех еще и не пустят, когда здесь весело, тепло и напитки с персональной скидкой?

Спустя некоторое время успокаиваюсь и отпускаю ситуацию на самотек. Макса я вижу только раз – мельком, уходящего куда-то в сопровождении высокого блондина, худощавого и длинноволосого. Решаю, что это кузен, о котором говорил Макс. Иванов тоже исчез из зоны видимости. И хорошо: отсутствие этих двоих позволяет мне веселиться на полную катушку, как и планировалось до их появления.

Отчитываюсь маме, что со мной все в порядке, и танцую с подругами до упаду. К трем часам ночи я не чувствую ног и дико хочу спать. Устали все, даже Фролова. Решаем с девчатами двигать домой. Ольга оставляет сестру спать у себя в подсобке: вдвоем, после смены, им будет удобнее возвращаться вместе.

С Веркой и Дашкой нас выпускают через черный ход. Мы тащим белого зайца за лапы мимо стоянки у клуба, смеясь, что с животным нас не повезет ни один водитель. Холодно. Несколько секунд, чтобы надеть перчатки, но за это время подруги умудряются потерять равновесие на скользком льду

и завалиться вместе с подарком. Падая, Дашка подсекает и меня, и вот уже втроем мы ржем от души, не в силах подняться вместе с черныбыльским зайцем – только мутанты могут весить как слоны, а не детские игрушки.

За глупым ребячеством я не замечаю, как кто-то подходит сзади. Рывком поднимает меня за подмышки и ставит на ноги, придавая телу устойчивое положение. Разворачиваюсь в поддерживающих меня руках. Макс. Ухмыляется и смотрит свысока, снисходительно, как воспитатель в детском саду на резвящихся малышей.

– С... спасибо, – икаю я, поправляя съезжающую шапку.

Макс тем временем помогает подняться девчонкам. Верка продолжает хихикать, а Дашка застывает и, открыв рот, ни капельки не стесняясь, рассматривает Макса. Почему-то мне это очень не нравится.

– Девочки, это Макс, – решаю я представить своего нового знакомого. – Макс, это Даша и Вера.

Дежурная фраза «приятно познакомиться» с двух сторон. И снова предложение, которое звучало несколько часов назад.

– Садитесь, – Макс показывает на свой внедорожник на стоянке. – Поработаю сегодня таксистом.

Девчонки смотрят на меня вопросительно, и я утвердительно киваю, подтверждая, что с ним нечего бояться:

– Поехали.

Не знаю, насколько может быть случайна наша новая

встреча. Я все больше убеждаюсь во мнении, что все неспроста. Неужели он ждал меня? Что за странное желание доставить меня домой самому? Где я живу, он и так уже знает. Вот привязался же. И в то же время я тихо ликую, что могу покрасоваться перед подружками знакомством с офигительным парнем на крутой тачке.

– Это четвертый пассажир? – кивает он в сторону зайца и вызывает новый взрыв хохота у нашей троицы.

Как единственный трезвый и здравомыслящий из нас, Макс предусмотрительно узнает адреса у девчонок, потому что мы все отрубаемся, как только залезаем в машину, и сопим под тихую музыку. Верка и Дашка в обнимку с зайцем на заднем сиденье, я – на переднем, периодически падая головой на плечо Макса.

Каждую из нас он будит и провожает до подъезда, как истинный джентльмен. Откуда только взялся такой воспитанный и манерный? Меня он отвозит в последнюю очередь, хотя приходится сделать крюк в обратном направлении.

Макс легонько треплет меня за плечо, и я открываю глаза и не сразу понимаю, где нахожусь. Несколько секунд я хлопаю ресницами, пытаюсь прояснить мозги. Вижу красивое лицо напротив и выпаливаю первое, что приходит в голову, вернее, то, что мучило меня весь прошедший вечер:

– Почему ты меня не поцеловал?

– Я гляжу, ты все-таки хорошо приложила голову. –

Макс отворачивается и глушит мотор, очевидно, опять собираясь довести меня прямо до двери.

— Это потому что я маленькая, да? — не унимаюсь, отстегивая ремень безопасности. Напитки мы употребляли слабоалкогольные, но их количество значительно повысило градус в крови, и теперь она кипит, развязывая язык.

Я ожидаю какого угодно ответа, любых объяснений в духе «я старше, мы не подходим друг другу, мы знакомы всего ничего», но только не его твердого и односложного:

— Да.

— Да ладно! — вспыхиваю я и подскакиваю на месте. Еще движение — и я хватаю его за грудки расстегнутой куртки и впиваюсь ему в губы. Просто прижимаюсь со всей силы, как умею и насколько хватает опыта и дури. Он не отталкивает меня, но и не делает попыток обнять или поцеловать в ответ, просто сидит как истукан, позволяя к себе прикасаться.

Такого унижения собственного достоинства моя психика не выдерживает. Я выпускаю плотную ткань, отодвигаюсь и молча, не прощаясь, вылезаю из машины. Непрошенные слезы сами бегут по щекам. Быстро шагаю к своему подъезду, ругая себя за беспечную выходку. Что вообще на меня нашло? Кидаюсь на людей. Подумает, что маленькая нимфоманка. Боже, как же стыдно!

Хлюпая носом, набираю код на входной двери раз, второй, промахиваясь дрожащими пальцами. Замок открывается, но не успеваю перенести ногу через порог, как меня вталкивают

внутри – Макс догнал меня. Решил завершить свой джентльменский ритуал по сопровождению юной леди?

Не дав опомниться, он сгребает меня в охапку, приподнимает, прислоняя спиной к стене, и сминает мои губы совсем не детским поцелуем, запускает язык мне в рот, исследует, ласкает, хозяйничает, отдавая мне то, что я так бессовестно просила. Я обмякаю в его руках, следуя за ним, впитываю его безупречную науку.

Нас прерывает собачье гавканье за стеной у соседей. Громкий лай служит для Макса сигналом остановиться, и он отрывается от меня и ставит на лестницу, выше на две ступеньки. Теперь я могу смотреть на него, не запрокидывая голову. В свете тусклой лампы вижу, как потемнели его глаза, стали темно-синими. Неужели это отголоски страсти, как в любовных романах? И это я ее зажгла? По лицу Макса трудно что-то прочесть, понять, что он испытывает. Задал же мне очередную задачу. В свою очередь, я закусываю губу, чтобы не растянуться в улыбке, не показать ему, как сердце подпрыгивает от радости, от осознания, что свершилось: я наконец-то поцеловалась с парнем. Или с мужчиной. Не такой уж он старый, чтобы нельзя было называть его парнем.

– Спокойной ночи, Глаша. – Легким касанием Макс целует меня в висок и разворачивает, подталкивает вверх, по направлению к моей квартире.

Кидаю ему «пока» и поднимаюсь заданным путем по ступенькам, невероятным усилием воли подавляя желание

обернуться и посмотреть ему вслед. Он не уходит: ждет, пока я открою дверь. Поворачиваю ключ в замке, но не захожу сразу домой. Прислушиваюсь. Макс наконец-то топает на улицу, и до меня доносится обрывок его фразы:

– Дожил... Как школьники!

Лежу в своей комнате, листая ленту «ВКонтакте». Почти пять утра. Хорошо, что сегодня везде выходной – не надо ни в универ, ни на работу. Сон не идет: перегорело. Да и какой сон после такого насыщенного на события дня? Успеваешь разонравиться один парень, целуюсь с другим. И этот другой вносит немалый вклад, чтобы разонравился первый. А если Макс все-таки напел мне про Иванова, убрал конкурента? Да ну, не может быть! Слишком продуманная схема для одного дня знакомства. И откуда бы Максу знать, что у меня к Игорю чувства? Не говоря уже о наличии мотива.

Поспать все же нужно. Скоро приедут родственники, и хотя мама и бабушка не будут напрягать меня готовкой или какой-либо другой подготовкой к празднику, и без этого буду сидеть вареная за столом. Но «мои мысли, мои скакуны» лезут в голову, стоит закрыть глаза.

«ВКонтакте» извещает о голосовом сообщении от Дашки. Тоже бодрствует. Видит, что я онлайн, и не может дотерпеть до утра. Утро в субботу начинается в десять! Держу пальцы крестиком, что будет спрашивать про Макса.

– Зотова, ты совсем прифигела?! Общаешься с Исаевым

и молчишь! Когда успела его закадрить?

Надо же, какое возмущение в голосе. Прямо пышет праведным гневом. Исаев? Она про Макса? Похоже, Дашка знает о нем даже больше, чем я.

Тихонько, чтобы не потревожить домашних, наговариваю ей ответ:

– Кто такой Исаев?

Следующее голосовое от Фроловой не заставляет себя ждать:

– Не смешно! Я тебе подруга или кто? Встречаешься со своим генеральным и даже не намекнула! Я тебе про себя все рассказываю!

Меня окатывает горячей волной. Судорожно вбиваю название своей фирмы в поиск и захожу на официальный сайт. Открываю раздел «Контакты».

Черт! Максим Исаев, держатель контрольного пакета акций «Эвклаз-Групп». И фотка строгого Макса в стильном дорогом костюме. Вот это меня угаздило!

Надо будет спросить у Дашки, откуда такая осведомленность. Впрочем, она давно зависает на форумах, где обмусоливают богатеньких холостяков нашего города. Если он холостяк.

Вскакиваю и начинаю ходить вперед-назад. Становится ясно, кого так боялись сотрудники. Макса! Это он тот Гудвин, страшный и ужасный. От него трясутся поджилки у всех топ-менеджеров в нашей организации. Надо же! Мне он

показался достаточно адекватным. И заботливым. Но я знаю его всего ничего, чтобы правильно составить мнение. И как теперь быть, как себя с ним вести? Во дела!

А чего я, собственно, боюсь? На работе мы с ним не пересекаемся: я – слишком маленький винтик в громадной машине. И о дальнейших отношениях речи нет. Подумаешь, поздравил соплячку с днем рождения!

Внезапно меня осеняет очередной «скакун», и я останавливаю свой марш по комнате. Подарок! Мой милый зайчик остался у него в машине. Надеяться, что сам привезет? Знает же, где живу. А он привезет, при полной квартире родственников. И объясняй потом, откуда у начальника мой подарок! Нужно договориться о встрече, забрать милашку. Или оставить его у Макса на время. Оставить насовсем – не вариант; он его просто выбросит. Зачем ему игрушки? А девчонки обидятся. Пусть погостит у него до удобного момента.

Я несколько раз строчу сообщение Исаеву, но стираю написанное – все не то. Все-таки, когда я не знала его статус, было намного проще: не было той робости, как сейчас. Где она была, когда я приставала к нему в автомобиле? Знай я заранее, что Макс – мой директор, или как там называется его должность, вряд ли бы осмелилась себя так вести.

В итоге я отправляю ему всего несколько слов, не надеясь на скорый отклик:

«У тебя мой заяц».

Макс отвечает практически сразу:

«Да, привезу. Созвонимся».

Вот и договорились. Встретимся, заберу ушастого – и все. Мы больше ничем друг другу не обязаны. Стоп! Это я так себя уговариваю, чтобы не втрескаться в Исаева? Не втрескаюсь. Сколько лет по Игорю слезы лила, и ничего, как отрезало. А Макс – блондин, слишком взрослый, толстосум. Пусть ищет себе «не школьницу».

Иду на кухню за очередным стаканом воды. Жажда неимоверная – точно от коктейлей, и тошнит в придачу. Больше никакого алкоголя, в его сторону даже не посмотрю.

Минералку я всю уже выпила. И из кранов нет воды. Просто великолепно! И что теперь, умирать от засухи? Тихо, на цыпочках пробираюсь к бабушке в комнату. У нее всегда в термосе есть чай; пусть теплый, но это живительная влага.

Утаскиваю ее термос, и уже у себя с наслаждением поглощаю терпкую жидкость прямо через металлический край. По возможности сжимаю зубы, как фильтр, чтобы не наглотаться травинок. Чай другой – не такой, как обычно. С последним глотком даже немного передергивает. Чего она туда намешала? Надеюсь, не валерьянки. Хотя какая разница: травки и травки. Хуже не будет.

Снова ложусь. Поворочавшись с боку на бок, решаю отбросить это бесполезное занятие. Достаяю из шкафа одежду, в которой буду на семейном торжестве. Просто и лаконично, как я люблю: маленькое черное платье с короткими рукавами. В комплекте со шпильками было бы улетно, но мама не

разрешил царапать ламинат каблуками. Все же напяливаю все на себя вместе со шпильками и красуюсь перед зеркалом. Неплохо! Так весной можно будет в универ бегать. Еще пару штрихов: бабушкин медальон будет тут кстати. Надеваю и его. Шик с отлетом! Да я красotka!

Если бы еще не мутило, было бы совсем зашибись! Я слышала от девчонок, какие бывают «вертолеты» после вечеринок, но чтобы было так плохо... Жуть! Даже руки посинели. Аллергия? Не надо было пить бабулин чай: только хуже стало. Лучше бы в супермаркет сгоняла за водой.

Покачнувшись, оседаю на кровать. Закрываю глаза – сплошь разноцветные круги. А затем темнота...

Жара такая, что пот течет по лицу, по закрытым глазам. Вытираю руками соленые капли. Силюсь открыть тяжелые, свинцом налитые веки. В очередной раз клянусь себе, что больше никакого алкоголя.

Почему так жарко? Наверное, от плиты: бабушка и мама готовят праздничный ужин. Чувствую легкий ветерок; он слегка холодит мокрые виски. Они еще и форточку у меня открыли? Продует же. Чирикание птиц. Воробьи или «звуки природы» по телеку?

Вот это меня вырубило, как в яму провалилась. Наверное, у бабули в чае были снотворные травки. Что ж, надо вставать и готовиться к новому дню и новым свершениям. Который час? Не будят даже. Шарю руками возле себя в поисках мо-

бильника. Телефон не нахожу, но под рукой что-то твердое, не моя кровать – это точно. Я свалилась в беспамятстве? Это неудобно лежать.

Перекатываюсь на спину и открываю глаза. Почему так ярко? Еще несколько мгновений, чтобы сфокусировать взгляд.

Расплывчатые силуэты. Тру руками веки. Трое мужчин смотрят на меня с интересом. Бородатые, сплошь заросшие лица, одеты непонятно во что, как разбойники из фильмов про Робина Гуда, еще и с огромными топорами наперевес. Вскидываю, но удастся лишь сесть: лезвие огромного тесака прижимается к моей шее.

Кричу что есть мочи, насколько хватает воздуха в легких. А вот и глюки пошли. Лютое комбо из травмы головы, Ольгиных коктейлей и бабушкиного чая. Или сплю? Глубокий вздох и новый вопль в надежде, что домашние услышат и разбудят. Конечно, это сон. Лето! Я не страдаю лунатизмом, чтобы в беспамятстве улететь в теплые страны!

– Заткни ей рот, Вильф! – нервно бубнит черноволосый.
– На ее визг сбегутся орки со всей округи!

Глава 7

Тривинд, первый летний месяц

Вильф убирает от моего горла мачете. Или кинжал. Я не знаю названия этого ножика с длинным изогнутым лезвием. Широко расставив ноги, он нависает сверху и копошится в карманах своего камзола. Пользуясь его замешательством, подтягиваюсь чуть назад, скользя локтями по мокрой траве, перекачиваюсь на бок в попытке встать и дать деру. Что бы тут ни происходило – или разум подбрасывает мне невероятные картинки, или это игра у ролевиков, историческая реконструкция, в которой я оказалась непостижимым образом, – инстинкт самосохранения велит мне бежать.

По закону подлости тонкий каблук застревает в земляной кочке, и мне не удастся подняться – падаю на колени. Вильф тут же с силой хватает меня сзади за волосы, тянет на себя, поднимая. Пытаюсь вывернуться, что есть силы луплю его по предплечьям, бокам, везде, где могу дотянуться. Вырваться не могу, но и у него не получается сходу скрутить меня: свободной рукой лишь отбивается от моих хаотичных движений.

Двое других не помогают своему спутнику, стоят неподалеку и наблюдают за нашей потасовкой, подначивая:

– Вильф, какой «первый топор»? Ты с человечкой справиться не можешь!

– Жаль, Арли не видит! Ходить тебе с луком еще лет сто!

Вильф раздраженно рычит, отпускает волосы и стискивает меня в железных объятиях, купируя попытки выцарапать ему глаза.

– Помогите! – ору, срывая голос, в робкой надежде, что меня услышит кто-нибудь, кроме этих троих. Говорили же про каких-то орков, значит, команда соперников где-то поблизости. Должны откликнуться на крики о помощи. Вспоминаю, что в опасной ситуации лучше кричать про пожар, но какой пожар в открытом поле? Куда ни глянь – зеленая трава да редкие деревья. Если «орки» недалеко, где тогда прячутся?

– Пожар! Горим! – все же пытаю удачу я.

Мой новый крик заглушается квадратной ладонью этого Вильфа. Он и сам весь какой-то квадратный, низкорослый и коренастый. И остальные такие же. На кастинге их отбирали что ли? Может, здесь фильм снимают, или скрытая камера работает с дрона? Увижу себя потом в приколах на ютьюбе!

Одну туфлю я потеряла при падении, но вторая еще на мне, и шпилька – хорошее средство самообороны, как помню. К сожалению, левая нога у меня не ведущая, и удар по стопе сверху получается не таким сильным, как хотелось бы, однако и этого достаточно: острая металлическая набойка пробивает кожаный сапог Вильфа, а может, и не только его, поскольку мужчина отпускает мои руки и прыгает на одной ноге.

Не разбираю ни слова в посылаемых вслед ругательствах: несусь прочь, сломя голову, босиком, вереща и призывая хоть кого-нибудь. Снова падаю, больно пропахиваю землю подбородком. Кто-то из преследователей стреноживает меня, метнув веревку с привязанными с двух сторон камнями. В два счета злодеи оказываются рядом. Быстро. И не подумаешь, что такие увальни могут так стремительно передвигаться, а я-то думала, что от них оторвалась.

Шутки кончились: мне затыкают рот вонючей тряпкой и тщательно и умело связывают – ни дернуться, ни шелохнуться. Черноволосый приподнимает меня и усаживает под деревом, прислоняя спиной к стволу. Впору впасть в отчаяние – я начинаю подозревать, что никакой это не сон. Все происходит на самом деле: во сне не бывает так больно. Тело ломит от впивающихся веревок, ссадины щиплет. И страх – липкий, холодный и противный, как в ночных кошмарах; были ли они предвестниками того ужаса, что сейчас происходит со мной?

Меня накачали в том клубе чем-то запрещенным и вывезли в другую страну, в поле, где убивают людей богатые косплейщики. Похитили из дома? Последние моменты, какие я помнила, до того, как оказалась в этом странном месте, были о том, как мне стало плохо. А родные? Что с ними? Им тоже могли причинить вред. И даже если с мамой и бабушкой в данный момент все в порядке, то скоро не будет, как только они обнаружат пропажу единственного ребенка. Что сдела-

ют со мной? Убьют, изнасилуют, будут пытаться?

Слезы льются по щекам, я начинаю тихонечко выть. Забиться в истерику не дают лишь путы, обвивающие меня с ног до головы.

– Боится, – констатирует белобрысый, обращаясь к черноволосому. Ждут, пока Вильф, хромая, дойдет до дерева, где я сижу.

Основательно же они подготовились. Маскарад на все сто! Длинные темные камзолы, расшитые затейливой вязью, кожаные сапоги и наручи, меховые накидки в такую жару. Луки, колчаны со стрелами, короткие мечи и топоры – увешаны оружием, как елки игрушками на Новый год. У всех окладистые, как у священнослужителей, бороды. Длинные волосы распущены и заплетены в тонкие косички у висков. Как на подбор, похитители крепко сбитые, невысокие, наверное, даже ниже меня ростом. А грим какой! Как он называется?.. Пластический? Крупные орлиные носы, заостренные уши. Отличаются только цветом волос: шатен, блондин и брюнет. Если их противники орки, то эти играют за гномов, не иначе. Но гномы не охотятся на людей! Хотя кто знает, что за сценарий в этом жутком сафари!

Черноволосый подходит вплотную. Судя по поведению, он предводитель этой компании.

– Я уберу кляп, а ты не будешь орать, понятно? Иначе я вырублю тебя, – трясет кулаком перед моим лицом он.

Зажмуриваюсь и киваю. Зачем орать? Ясно уже, что на

помощь никто не придет.

Мужчина вытаскивает тряпку из моего рта, встряхивает пару раз и сморкается в нее, затем убирает за пазуху. Это что, его носовой платок? Живот сводит судорогой отвращения. Не о брезгливости стоит думать в такой момент, но тошнота подкатывает к горлу и от страха, нервов и омерзения меня выворачивает на землю всем, что я съела накануне.

Подошедший Вильф успевает наклонить в сторону мое тело, поправляет волосы. Надо же, какая забота от мучителя! Боится, что испачкаюсь? Я и без этого вся вымазана травой и землей. Белобрысый подносит флягу к моим губам. Отрицательно мотаю головой и отворачиваюсь. Мало ли что они туда намешали! Хватит с меня незнакомых напитков.

– Ты из Обители? – спрашивает старший, ничуть не смущенный моим унижением.

– Что за обитель? – еле шепчу пересохшими губами; горло горит от желудочного сока.

– Что ты делаешь на Землях Дрейвна?

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Шпионишь для орков? – повышает голос он.

– Послушайте, – я стараюсь говорить спокойно, чтобы не злить ролевигов, охотников, маньяков, кем бы они ни являлись, – я не знаю, как здесь оказалась, кто меня сюда притащил и зачем.

Они же и притащили. Скорее всего, чтобы убить и позабавиться.

– Я не знаю правила вашей игры, – продолжаю попытки договориться или потянуть время, – что за Средиземье вы тут устроили. Если объясните правила...

Мою тираду перебивает блондин. Не дав договорить, он бросает всего одно слово черноволосому:

– Пришлец?

Тот смотрит на него, как на полоумного, за подбородок грубо поворачивает мою голову в сторону поделщика и обнажает уши.

– Да вижу, что круглые, – произносит блондин. – Брэди, не кипятись!

– Новенькая, – хмыкает Вильф, присаживаясь на корточки рядом, – свеженькая.

С плотоядной улыбкой он проводит рукой по голой ноге под задравшимся платьем, и я захожусь в новом приступе страха.

Просыпаюсь от противного звука назойливого комара. Пробую отогнать его и не сразу понимаю, почему не получается шевелить правой рукой. Конечно же, меня приковали к повозке. Хотя спасибо, что не заставили лежать связанной, как гусеница.

В который раз пробую цепь на прочность. Нет, не вырваться. Куда мне, слабой девушке. Даже выбить столбик из бокового борта, куда прикрепили наручник, не вышло, хотя я усиленно пыталась первые несколько часов после пленения.

Острый ужас и паника ушли, оставив место тревожности и беспокойству за дальнейшую судьбу. По сути, кроме ограничения свободы, мои необычные похитители мне ничего плохого еще не сделали – не издевались, не били, не насиловали, если не считать домогательством руки Вильфа у меня под платьем. За недвусмысленные поползновения он, впрочем, получил нехилый удар в ухо от Кейла, блондина.

Мне задавали странные вопросы, ответов на которые у меня просто не могло быть. Даже некоторое подобие заботы проявили: накрыли шкурой, пока спала. Судя по разговорам, что они вели днем, меня собираются везти на показ какому-то Дрейвну; он у них вроде главного или короля, вот и решит, что со мной делать. Это все, что мне удалось узнать, и то по обрывкам фраз. Информацией со мной делиться явно не собираются.

Все больше склоняюсь к теории, что попала в телевизионное шоу, и съемки ведутся в какой-то теплой стране. Интересно, насколько законно хватать людей на улице (в моем случае – дома), без подписания документов? Или мама решила заработать и подмахнула согласие? Восемнадцать же мне только исполнилось, есть ли у родителей подобные права на детей? И ее непонятное поведение в последнее время. Неужели она способна на такие потрясения для родной дочери? Нет, не может быть. Однако другой правдоподобной версии у меня просто нет. Варианты с комой и бредом после бабушкиных травок я отмела: много времени прошло, в

голове бы уже прояснилось. Да и слишком все реалистично вокруг: природа, звуки, запахи. Небо щедро усыпано миллиардами звезд. Я учила астрономию в школе, но эти созвездия не узнаю, даже Млечный Путь не нахожу. Другое полушарие? Не помню, видно ли там молоко Геры?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.